

Изъ Шорсь я справился въ Мирь — мѣстечко, лежащее на пути изъ Несвижа въ Вильно, въ началѣ XVI вѣка принадлежавшее Илливичамъ, а впоследствии перешедшее къ князьямъ Радзивилламъ, которые владеютъ имъ по сю пору. Мирь вѣкогда славилась красивымъ каменнымъ замкомъ, построеннымъ маршаломъ Николасъ-Христофоромъ Радзивиломъ въ 1579 году. Что этотъ замокъ былъ великолѣпный, доказательствомъ служатъ сеймики, которые собираемы были въ немъ Радзивиллами. Изъ актовъ Минской губернии известно, что въ мирскомъ замкѣ на сеймахъ издано въ-

сколько грамотъ и записей въ пользу православныхъ и униатскихъ церквей (41). Изъ Радзивиловъ больше всѣхъ гостили въ мирскомъ замкѣ Карлъ. Тамъ-то онъ, охотясь за медвѣдями, въ первый разъ познакомился съ цыганами и впоследствии пригласилъ ихъ къ себѣ въ несвижскій замокъ и набралъ изъ нихъ цѣлый штатъ дворянъ.

Въ настоящее время остались только слѣды древняго замка мирского: сохранились каменные ворота, части полу-развалившихся стѣнъ и четыре бастіона. Замѣтны еще насыпи и возвышенія, между которыми, во рвахъ, обросшихъ травою, кое-гдѣ видѣется вода. Замокъ разрушенъ въ Отечественную Войну 1812 года, во время схватки русскихъ съ французами и поляками, сѣвшинами изъ Слонима въ Минскъ. Известно, что 26 июня 1812 года, на пространствѣ между деревней Корелчицами и мѣстечкомъ Миромъ, произошла страшная стычка атамана казаковъ графа Платова съ корпусами Вандама, Понятовскаго и Матура-Мобура, прикрывавшимъ вестфальскаго короля, сѣвшинаго въ Новогрудокъ. Казаки грянули на отряды поляковъ и загнали ихъ въ Мирь, гдѣ нѣкоторые спрятались въ замкѣ. Тутъ-то, ожесточенные противъ мятежниковъ, русскіе взорвали мирскій замокъ: неуспѣвшие спрятаться поляки, бросивъ французскіе отряды, побѣжали къ Новогрудку (42).

Какъ бы въ ознаменованіе такого историческаго событія, въ Мирь, на развалинахъ древняго замка, два раза въ годъ собираются ярмарки, известныя подъ именемъ Николаевскихъ. — 9 мая и 6 декабря. Та и другая продолжаются по двѣ и даже по три недѣли. Отличіе этихъ ярмарокъ отъ прочихъ западно-русскихъ состоитъ въ томъ, что на нихъ по преимуществу производится торговля лошадыми. Мирскіе цыгане, которыхъ здѣсь очень много, занимаются коннозаводствомъ и на ярмарки стоняютъ цѣлыя табуны разносорта лошадей. И охотники до лошадей съѣзжаются въ Мирь изъ самыхъ отдаленныхъ уѣздовъ Минской, Гродненской и Виленской губерній. Цыгане сбываютъ откормленныхъ лошадей, а вмѣсто ихъ за безцѣнокъ покупаютъ загнанныхъ и измученныхъ, которыхъ впоследствии продаютъ съ огромными барышами. Можно сказать, что на мирскихъ ярмаркахъ за лошадыми и цыганами свѣту Божьяго не видать. Мирь — настоящая столица этого чернаго племени, которое поселилось здѣсь со времени Радзивилла Пана-Коханку.

Но откуда, спрашивается, зашли въ Мирь и вообще въ Россію цыгане? — настоящее

(41) См. Акты Минской губернии. С. 25 и 97.
(42) См. Описание Отечественной Войны въ 1812 году — генераломъ Миллеромъ. Двинскій.

По общему мнѣнію ученыхъ о раздѣленіи древнихъ индѣйскихъ кастъ, цыгане принадлежали къ кастѣ Судерсъ, или Судра, самой нечистой и воровской, презираемой прочими кастами (43). Преслѣдуемые и гонимые въ 1408 и 1409 годахъ Тимуръ-ханомъ, принужденнымъ ихъ къ исламу, цыгане, какъ нелюбившіе никакого опредѣленнаго вѣроученія, бросили родину пенелдиза Индіи и бѣжали въ Аравію (44). Но и въ Аравію имъ не повезло; и вотъ они, по свидѣтельству Грельмана (45), перешли въ Египетъ, а отсюда прибыли въ Европѣйскую Турцію, изъ Турціи перешли въ Богемію, Молдавію, Валахію, Галицію и, наконецъ, въ XV вѣкѣ — въ Польшу, а изъ нея въ западныя губерніи Россіи. — Въ XVI вѣкѣ цыганъ столько размножилось въ Польшѣ, что въ 1578 г. тамъ уже изданы были постановленія о ихъ пронахъ. Въ Россіи же они разселились въ началѣ XVIII вѣка: начало селитьбы ихъ — въ Мирѣ, гдѣ Карлъ Радзивиллъ далъ имъ привилегіи на свободную торговлю вокругъ Мира и Несвижа. Съ Грельманомъ потому можно согласиться, что онъ основательно изучилъ исторію и языкъ цыганскаго племени, доказательствомъ чего служатъ его многія сочиненія о немъ и даже составленный обширный словарь и грамматика цыганскаго языка (46).

Всего менѣе можно принять предположеніе польскаго исторіографа Нарушевскаго, который говоритъ, что цыгане — осѣдлые жители нынѣшняго Подляся и Подлясья, потомки древнихъ языговъ, или ятвяговъ (47). Предположеніе, очевидно, произвольное, неоснованное ни на какихъ данныхъ: между прочимъ, оно опровергается особенно несходствомъ языка, характера и чертъ лица цыганъ съ языкомъ, характеромъ и чертами лица подлясянъ и собратовъ ихъ подлясянъ.

Нѣкоторые нѣмецкіе писатели утверждали, что цыгане переселились въ Западную Россію, въ царствованіе Екатерины Великой, изъ княжества Голитинскаго (48); но это мнѣніе опровергается тѣмъ, что въ 1759 г. цыганъ уже слишкомъ много было въ Россіи, такъ что они вездумали бы пробраться въ столицу, вслѣдствіе чего въ томъ же году послѣдовало указъ о воспрещеніи имъ входить въ главные го-

(43) Gesetze der Gentous aus den Engl. von Rudolf Erich Raspe. Hamburg. 1778. P. 100, 102.

(44) Britoni de Timur-Bu, écrite en Parsan par Cherefeddin-Ali. — traduite en français par Petit de la Croix. T. III. P. 9.

(45) Historischer Versuch über die Zigeuner. Göttingen. 1787. C. 1. p. 341 — 342.

(46) См. тамъ же.

(47) Histor. Narod Polsk. T. I. Ks. I. str. 85.

(48) Berlinische Monatschrift, herausgegeben von Gedike und Biester. 1783 Jahr, p. 216.

рода русские. На основании этого указа должно заключить, что цыгане поселились в России вообще, а тьмаз болше в Западной России, в ХУП вѣкъ, и именно, как думают некоторые ученые, во времена самозванцев, напоивших землю русскую всякимъ сорокомъ и въ томъ числѣ цыганскимъ племенемъ.

Поселившись въ западно-русскомъ краѣ, цыгане образовали въ себя особую касту и, несмотря на кочевую жизнь, имѣли главное убежище и некоторого рода отдѣльное управленіе. Этимъ убежищемъ было мѣстечко Миръ. Главный управитель назывался старшиною, а въ последнее время даже *королемъ* (49). Выборъ старшины производился на *Мирскомъ* полѣ, куда, обыкновенно, сходились цыгане цѣлыми кочевьями со всѣхъ концовъ Западной Россіи. Въ старшину выбирали цыгана среднихъ лѣтъ, статнаго и богатаго; новопожарнаго и (если была) его сожительницу три раза поднимали на рукахъ вверхъ, съ крикомъ и хлопаньемъ въ ладоши всего общества, послѣ чего у ногъ ихъ складывали разные подарки. Старшина отличался отъ прочихъ цыганъ тѣмъ, что носилъ юнана съ откандышъ, красивымъ воротникомъ и сверху юнана перекинутое чрезъ плечо *фасулдо*, т. е. нагайку, или плеть, съ серебряною рукояткою; кромѣ того, у него была высокая, мѣховая шапка изъ красного сукна, съ разными шитыми канителью значками. Власть старшины была обширна: онъ дѣлалъ приговоры надъ виновными безъ участія общества и только наказывалъ ихъ въ присутствіи избранныхъ стариковъ, или *подстаршиновъ*; и такъ какъ главнымъ и постановленнымъ преступленіемъ цыганъ было воровство и особенно кощичество, то это преступленіе и было собственно предметомъ расправы старшины. Если кто нибудь попадался въ воровствѣ, то старшина, вмѣстѣ съ нѣсколькими подстаршинами, отправлялся въ шатеръ виновнаго и, взявъ у него похищенную вещь или лошадь, жестоко собственноручно наказывалъ его дубиною, не за то собственно, что уворовалъ, а за то, что не умѣлъ хорошо спрятать уворованную вещь; сумма, вырученная за проданную вещь, поступала въ пользу старшины и подстаршинъ.

Такое управленіе у цыганъ существовало отъ конца ХУП до половины ХУІІІ вѣка (50) и поддерживаемо было некоторыми Радзивиллами, которые нередко сами избирали изъ старшинъ изъ полковковъ, а особенно Карломъ, который и переименовалъ ихъ въ *короли* (51), давъ старшинамъ право дѣлать расправу безъ согласія подстаршинъ. Ни древніе акты, ни преданіе не сохранили намъ извѣстій о числѣ и

(49) Szański, o Litewskim Statucie, str. 237.

(50) Тамъ же. Ст. сир. 238 и 239.

(51) См. вышеку 19-ю.

фамиляхъ этихъ королей. Только изъ одной грамоты князя Карла Радзивилла видно, что *последнимъ королемъ* цыганъ былъ Янъ Марцинкевичъ (52). Этотъ Марцинкевичъ жилъ необыкновенно роскошно и задавалъ великолѣпные пиры, на которыхъ присутствовали знатные дворяне польскіе и даже самъ Карлъ Радзивиллъ. Марцинкевичъ выстроилъ въ Мирѣ красивый палацъ и, окруживъ себя многочисленною свитою дворянъ изъ цыганъ, старался во всемъ копировать асьневельможнаго своего патрона Пано-Коханку. Старикъ мірскіе помнятъ еще, до какой степени причудливъ былъ Марцинкевичъ. Говорятъ, онъ раздѣлялъ въ раскрашенной и вызолоченной каретѣ, запряженной 12-ю лошадьми, съ фрейторами, курьерами и всадниками. Если же выходилъ онъ куда нибудь въ сколахъ, его сопровождала въ такомъ же количествѣ иная свита. Проходящая на ту пору цыгане обязаны были снимать шапки и въ почтительно-наклонномъ положеніи ожидать, пока проедетъ мимо нихъ *Ланго Янъ* (53). Со смертью Марцинкевича прекратилось цыганское управленіе. Въ царствованіе Екатерины Великой, во второй половинѣ ХУІІІ вѣка, цыгане вошли въ составъ общаго народонаселенія западно-русскихъ губерній: издали были два указа, изъ которыхъ первымъ, отъ 31 декабря 1783 года, велѣно цыганамъ избрать опредѣленный образъ жизни, а вторымъ, отъ 1 января 1812 года, назначенъ имъ срокъ принести въ городамъ къ мѣщанскому сословію и разстаться съ шатрами. Кто не исполнилъ Высочайшей воли, съ тѣмъ поступали какъ съ бродягомъ. Вслѣдствіе чего, многіе богатые цыгане записались въ купечество и сдѣлались непостоянными дѣльцами въ мѣрѣ торговли. Что же касается до бѣдныхъ, то хотя они и принесли въ какому нибудь городу или мѣстечку, но, по старой привычкѣ, все еще продолжали вести переходную, кочевую жизнь, до тѣхъ поръ, пока наконецъ, въ 1847 году, некоторыхъ изъ нихъ, какъ потерявшихъ свои мѣщанскіе документы, обратилъ въ калѣшнихъ крестьянъ. Теперь не видно кочующихъ цыганъ; ирѣдка только кой-гдѣ, тайкомъ промчится какой нибудь небольшой таборъ, — но этотъ таборъ состоитъ изъ однихъ женщинъ, которыя никакъ не могутъ разстаться съ любимыми своими занятіями — воровство и гаданьемъ въ сосѣднихъ деревняхъ.

Несмотря на то, что цыгане принесли къ городамъ и мѣстечкамъ, они не любятъ жить тамъ, а селятся болше въ окрестностяхъ городовъ, близъ деревень; особенно дѣломъ они живутъ на поляхъ, подлѣ открытыхъ небомъ. Главныя ослѣща ихъ въ настоящее время въ Гродненской и Минской губерніяхъ; болше всего ихъ мож-

(52) «Сѣв. Арх. 1826. Ч. XIX. Стр. 290.

(53) O Czganach wiadomości historyczne, Jgn. Daniłowicza. Wilno. 1834.

но встрѣчать въ окрестностяхъ Гродно, Слонима, Мира, Песвижа, Минска, Борисова и почти всего Слуцкого уѣзда.

Ведя прежде кочевую жизнь, цыгане очевидно похожи были на дикарей: они жили въ дѣсахъ, въ шатрахъ, землянкахъ и даже амбахъ. У нихъ не было ни столовъ, ни стульевъ, ни кроватей, ни столовой посуды. Вся рухлядь ихъ состояла изъ котомокъ, мѣшковъ, чугунныхъ горшковъ, деревянныхъ ложекъ и жестяныхъ сковородъ. Питались они чѣмъ Богъ послалъ, — бывали дни, когда имѣли всего вдоволь, особенно свиного сала (любимаго ихъ лакомства), но бывали и такіе недѣли, въ теченіе которыхъ у нихъ не было ничего, кромѣ куска хлѣба, и всю отраду они находили въ куреніи табачку, которымъ всѣми возможными средствами заисались: была дѣньга, покупался табакъ, а при безденежьи — и безплатно любивался. Это очень легко удавалось и удается цыгану: въ БѢлоруссіи и въ Польсѣ у каждаго поселеннаго и прежде сѣялось и теперь сѣется въ огородахъ столько табаку, сколько нужно для него на цѣлый годъ: ну а долго ли ловкому цыгану перескочить, темнымъ вечеромъ, чрезъ заборъ и подѣлаться съ мужичкомъ хозяйскимъ его добромъ?... Одежда цыганъ была нищенская: негаромъ называли ихъ лохмотьями. Дѣйствительно, неприятно даже слушать, какъ разсказываютъ объ ихъ грязномъ балахонѣ, изорванномъ чуть ли не въ клочки и въ безчисленныхъ мѣстахъ связанномъ, перевязанномъ переносками, дыками и конскимъ волосомъ. Выпрошенную у мужичка или каковаго нибудь подпанка-шерака одежку и даже рубаху цыганъ носилъ до тѣхъ поръ, пока она не сваливалась съ его плечъ. Но въ случаѣ, если бы цыгану удавалось выманить что нибудь понаряднѣе и поцѣлствѣе, онъ тотчасъ старался щегольнуть обновкою и надѣвалъ ее вмѣстѣ съ чернѣйшими лохмотьями остальнаго костюма. Такой же грязный костюмъ былъ и у цыганокъ. Сверху рубахи чрезъ плечо перекидывались куски толстаго хоста; на шеѣ висѣло нѣсколько снурковъ почернишаго стекла; ноги босыя; на головѣ, сквозъ подобіе дыряваго платка, видѣлись растрепанные и никогда нечесанные густые клочки волосъ. Что же касается до цыганятъ, то они, почти магіе, босикомъ ходили и лѣтомъ и зимой.

Занятія цыганъ составляли кузнечество и слесарное ремесло. Но, по природной лѣни къ большимъ трудамъ, они ограничивались только самыми легкими выдѣлками какихъ нибудь подковъ, колець, иржежъ, гвоздей, цѣпей, сковородъ и ножей. Мастерская ихъ состояла изъ камня, зашвыряшаго мѣсто желѣзной наковальни, клещей, завертокъ и раздувающей мѣха. Съ этою маленькою, походною мастерскою цыганъ располагался подъ открытымъ небомъ и, усѣвшись съ поджатыми ногами возлѣ своей любимицы, раздуваю-

щей огонь, занимался работою, пока хватало терпѣнья. Выдѣланные вещи онъ разносилъ на продажу съ цѣлымъ своимъ семействомъ по окрестнымъ деревнямъ. Добылъ денегъ, разгулъ возвращался въ шатеръ и сивалъ друзей. Тутъ начинался разгулъ дикихъ людей. Вина шло съ столько, сколько могло быть куплено. Напившись, принимался за пляски: цымбалы, варганъ, гитары и бубны составляли ихъ музыку. Женщины плясали съ разными бойками тѣлодвиженіями, крипальнями и припѣвами; хоръ пѣсельниковъ оглашалъ воздухъ нестройнымъ крикомъ и рѣзкимъ присвистываньемъ. Между тѣмъ кто нибудь изъ шатра давалъ знать объ этомъ разгулѣ окружающимъ помѣщикамъ или горожанамъ (если городъ былъ тутъ же), и вотъ собиравшиеся зрители: сначала сънахлѣсь мелкія монеты, мѣдники; потомъ являлись охотники-любители всего дикаго, бурнаго, нестройнаго, и къ ногамъ хорошенковыхъ цыганокъ бросалось серебро и даже золото. Сколько проишествій, исторій, самыхъ фантастическихъ похоложденій совершилось въ этихъ шатрахъ, въ этихъ притонахъ бѣшеныхъ оргій: вѣдь недаромъ впоследствии явилось у насъ на Русь множество романовъ и повѣстей, основанныхъ на бытѣ и прежней жизни кочевыхъ русскихъ цыганъ! Музыка и пляска у цыганокъ служили приманкою для влуска ихъ въ барскіе дома, гдѣ они, высмотрѣвъ всѣ декорации заднихъ дворовъ, впоследствии напониали владѣтелямъ ихъ о своемъ пребываніи любезнѣйшимъ цыганскимъ искусствомъ — воровствомъ. Съ тѣми же приманками являлись цыганки и на ярмаркахъ, гдѣ, заиская добродушныхъ бѢлорусцевъ и простоты польскія краснорѣчивостью и воровкой, очинчали и опораживали ихъ возы и мѣшки со всякимъ добромъ.

При такой разгульной, беспутной и безалаберной жизни, очевидно цыгане не подчинились никакимъ формамъ законовъ: у нихъ не было ни браковъ, ни крестинъ, ни другихъ обрядовъ религіи. «Какой ты вѣры?» спрашивали цыгана, и онъ отвѣчалъ: «Какой хочешь, батю!»

Нынѣ, вошла въ общій составъ народонаселенія Имперіи, цыгане подчинены всѣмъ условіямъ государственныхъ законовъ и правиламъ церкви; теперь они христіане. Жизнь цыганская изменилась: они живутъ семействами и занимаются какимъ нибудь ремесломъ или торговлею на постоянныхъ мѣстахъ. Главныя ихъ промыслы составляютъ теперь: кузнечество, слесарство и особенно конюшеніе; почти во всѣхъ имѣніяхъ БѢлорусскаго и Польскаго края лучшими конюшалами считаются цыгане. Кромѣ того, по старой привычкѣ, они занимаются конюшодствомъ и мѣлою лошадей, или, какъ говорятъ протонароды, *цыганствомъ*, главнымъ условіемъ котораго надува-

тество, обманъ. Кривую, старую, беззубую лошадь калыку-цыганъ умѣетъ передевать въ статнаго, огненного и рываго бѣгуна. Включеніе въ лошадиную спину булавокъ, зажженная губка подъ хвостомъ и подниманье кожи животнаго, чрезъ сдѣланное въ ней отверстіе, суть обыкновенныя средства, употребляемыя цыганами для обмана покупицковъ. Многословный цыганъ, кромѣ способности укрывать недостатки своей лошади, имѣетъ еще удивительную ловкость свдывать съ ногу самого сильнаго коня и выказывать недостатки предлагаемаго ему наѣму. Страсть къ мѣблѣ лошадей въ высшей степени развита въ цыганахъ. Недавно цыгане занимались мѣблѣводствомъ; но теперь оно запрещено имъ, потому что мѣблѣводство пробуждало въ нихъ опять кочевую жизнь и было причиною грабежей и разбоевъ въ деревняхъ. Цыгане занимаются также токарствомъ; ихъ липовыя и дубовыя миски, тарелки, ложки, сита и рѣшота известны своею красивою отдѣлкою. Встрѣчаются цыгане-сапожники, но ихъ немного.

Сдѣлавшись осѣдыми, западно-русскіе цыгане перемѣнили свой прежній національный костюмъ на одежду мѣстныхъ мѣщанъ или крестьянъ; одна только нагайка при бедрѣ и вѣчное нерешество напоминаютъ нѣсколько о прежней *долготности* хитанскаго племени. Нельзя этого сказать о костюмѣ цыганокъ: онѣ все еще держатся прежнихъ, своихъ полотняныхъ тогъ, — можетъ быть, потому, что въ такомъ костюмѣ выгоднѣе добывать деньги, къ которымъ онѣ такъ жадны. Известно, что за деньги цыганка рѣшится на все, даже выкормить своею грудью щенка⁽⁵¹⁾.

Что же сказать о тѣлесныхъ свойствахъ цыганскаго племени? Цыгане отъ природы необыкновенно крѣпкаго сложения, ловки и быстры. Здоровье ихъ вошло въ пословицу. Они не боятся ни сырости, ни жару, ни холоду; зной составляетъ наслажденіе цыганъ, и они считаютъ удовольствіемъ жариться у огня. Они не подвержены никакимъ припадкамъ и не боятся даже заразы; самая оспа, разрушительно дѣйствующая на другихъ, ничуть не опасна для цыганъ. Одна старость разстроиваетъ крѣпкое ихъ сложеніе. Между цыганами нѣтъ ни дородныхъ, ни уроковъ. Темно-желтый цвѣтъ лица происходитъ оттого, что матери, завернувъ своихъ младенцевъ въ жирныя лохмотья, таскаютъ ихъ съ собою на солищѣ и держатъ возлѣ огня. Глаза черныя, большыя, огненные и удивительно характеристическіе. Зубы чистые, бѣлые, — говорятъ, будто бы оттого, что цыгане вѣчно курятъ простой, безъ всякихъ приправочныхъ специй, тютюнъ, а цыганки держатъ за зубами похотельный табакъ.

(51) Niebber, Deutsches Museum, 1781, jul., s. 22.

Несмотря на то, что наши цыгане сблизились, такъ сказать, въ одну массу съ русскимъ народомъ, между собою они не говорятъ по русски, а все еще употребляютъ свой родной языкъ, хотя значительно измѣнившійся во время кочеваній ихъ по нѣмецкимъ, вѣнгерскимъ и польскимъ землямъ въ XVIII и XIX вѣкахъ, и потому слишкомъ различающійся отъ древняго цыганскаго. Что же касается до древняго цыганскаго языка, то счастливый случай... «случай», говорю потому, что цыгане всегда скрывали свой языкъ отъ другихъ народовъ и не имѣли своихъ письменныхъ буквъ, — счастливый случай... подтвержденный знаніемъ восточныхъ языковъ, убѣдилъ достаточно въ сходствѣ цыганскаго языка съ индѣйскимъ⁽⁵²⁾.

Многіе изъ поселившихся въ Мирѣ цыганъ разошлись по разнымъ городамъ и селамъ Гродненской и Минской губерній, но большая часть основалась тамъ навсегда и завела бумажныя, сукошныя, ткацкія и особенно мѣховыя фабрики, которыя славятся въ началѣ XVIII вѣка по всему Бѣлорусскому и Польскому краямъ; въ настоящее время эти фабрики нѣтъ, и только народное преданіе сохранило о нихъ воспоминавіе; есть даже пословица о мирскихъ фабрикантахъ: *Майстаръ зъ Мира, што цвѣг, то дѣра!* (Ну ужь мирскій мастеръ! за что ни возьмется, непременно испортитъ, сдѣлаетъ дыру.) Эта пословица напоминаетъ уже о паденіи фабрикъ въ Мирѣ. Изъ всѣхъ фабричныхъ заведеній едва сохранились небольшіе ткацкіе станки, т. е. въ Мирѣ до сихъ поръ нѣкоторые цыгане занимаются ткачествомъ. Холстъ мирскихъ ткачей славится своею прочностью и чистотою отдѣлки. Говорятъ, что въ нѣкоторыхъ домахъ Мира сохранилось, какъ рѣзкость, остатки матерій древнихъ мирскихъ фабрикъ, и что нѣсколько престольныхъ облачений изъ нихъ есть въ мирской церкви, нѣкогда православной, построенной въ началѣ XVII вѣка, потомъ униатскою-баликанскою и наконецъ въ настоящее время опять православной, во имя Святой Троицы.

(52) См. «Сѣверный Архивъ» 1826 г., ч. XX, стр. 180. Тамъ приложено сборникъ цыганскихъ словъ, сходныхъ съ индѣйскими.